

ЛИЗ
КАРЛАЙЛ

Огровательная
проказница

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

K23

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Liz Carlyle

WICKED ALL DAY

Перевод с английского *Н.Н. Аниськовой*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Pocket Books,
a division of Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Карлайл, Лиз.

K23 Очаровательная проказница : [роман] / Лиз Карлайл ; [перевод с английского Н.Н. Аниськовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-135767-2

Мисс Зоэ Армстронг — самый яркий бриллиант светского общества, но она никогда не верила в брак по любви.

Кокетка и озорница, Зоэ совершает опрометчивый поступок, обручившись с легкомысленным красавцем Робертом. И все это на глазах у его старшего брата — мрачного и серьезного маркиза Мерсера. Маркиз понимает, что обратной дороги нет — брак Зоэ с Робертом неизбежен, однако с каждым днем сам все больше влюбляется в очаровательную проказницу...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Susan Woodhouse, 2009

© Перевод. Н.Н. Аниськова, наследники, 2022

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-135767-2

ПРОЛОГ,

в котором начинаются удивительные события

Даже когда она была маленьким ребенком, то знала, что она — другая. Девочка была чужой и в мире родовитых, и среди тех, кто гораздо ниже рангом. Она словно жила снаружи и заглядывала внутрь, прижимаясь носом к холодному стеклу, а мир отгораживался от нее перешептываниями и косыми взглядами.

В самых ранних своих мечтах девочка превращалась не в принцессу, а в служанку в туго накрахмаленном чепце и сером саржевом платье с белоснежным передником. В грезах она пила чай за кухонным столом вместе с остальными слугами, смеялась над карточными фокусами кучера, менялась ленточками и сплетничала с горничными, а в выходной гуляла с лакеем. Она становилась другой, принадлежащей к определенному кругу.

Но когда девочка достаточно подросла, чтобы заглянуть поверх подоконника в большой мир, было решено, что пора ей учиться читать, и она узнала, что мечты не часто сбываются. И пока не случилось что-нибудь ужасное и шокирующее — а этого никогда не происходило, — она будет пребывать в том забвении, которое мир, по-видимому, уготовил ей. Под присмотром мегеры-гувернантки она жила в пустом доме, лишенная душевного тепла, если не считать тех редких случаев, когда ее привозили в Лондон или когда отец приезжал домой

покачать ее на колене, а потом снова исчезал в туманном чреве столицы.

И так случилось, что девочка начала закалять свое сердце в том возрасте, когда едва сознавала, что оно у нее есть. Она научилась переносить сплетни и иногда даже смеялась над ними. Но в прекрасные дни вроде сегодняшнего, когда легкие облачка высоко плыли в ясном синем небе, когда зеленая трава манила поиграть, девочка клялась себе не думать о пересудах.

— Бедный ребенок! Говорят, для матери она была нежеланной...

Как обычно, слова, хоть достаточно мягкие и сказанные приглушенным голосом, парили на крыльях ветерка и, словно комар, выискивали место, куда ужалить побольнее.

Девочка вскинула маленький острый подбородок и съехала, хотя и так была маленькой. Сосредоточив внимание на пехотинцах в красных мундирах, которых ее кузен Робин усердно расставлял на одеяле, она выбрала из кучи солдатика и поставила его в строй.

— Она ведь француженка? Любовница?

— Да, и отчасти итальянка, по словам кухарки, и мерзкого нрава в придачу.

— Так что девчонка его по праву унаследовала?

Послышался ехидный женский смех.

Ее кузен, конечно, не обращал внимания на пересуды.

— Не туда, гусыня ты этакая, — ворчал Робин, передвигая ее солдатика на другую сторону. — Такое построение не зря называют квадратом, Зоэ.

Девочка заморгала, отгоняя горячие слезы.

— Но они подружились, — запротестовала она, ее нижняя губа задрожала. — Как мы. Они никогда не расстанутся. Оперевшись на локти, Робин взглянул на нее.

— Это война, Зоэ, а не кукольное чаепитие.

— А теперь ухаживает за невестой, дьявол бессердечный, — продолжали сплетничать женщины.

— Рэннок? Не может быть!

— Она родит ему детей. Видно, прижитая девчонка ему не нужна.

Зоэ старалась не смотреть на слуг.

— Прекрасно, Робин! — рассердилась она. — Давай вернемся на Брук-стрит и поиграем в кукол Арабеллы.

— Тихо, Зоэ! — Робин в тревоге посмотрел на старшего брата. Юный маркиз Мерсер играл в крокет с двумя старшими мальчиками, ловко передвигаясь по траве на длинных ногах. Робин перевел взгляд на одеяло. — Зоэ, — прошипел он мрачно, — если ты хоть слово скажешь ему про кукол, клянусь...

— Да не скажу, крошка, — выпалила Зоэ, — я ведь пообещала.

— Мисс Армстронг, — резким тоном произнесла мисс Смит, приподнявшись со скамейки. — Если вы снова станете ссориться, мы уйдем.

Зоэ не обратила на нее внимания.

— Ты такой вредный, Робин, — пробормотала она.

— Вовсе нет, и ты это знаешь. — Робин с лязгом высыпал на одеяло очередную порцию солдатиков. Летнее солнце ярко освещало Грин-парк, бросая на темные волосы мальчика красноватые блики. — Вот, — сказал он примирительно. — Строй следующий полк, гусыня. Нет, положи солдатика в зеленом мундире. Это Двадцать восьмой глостерширский пехотный полк. Я тебе помогу рассортировать их. — И он стал раскладывать отдельно красных и зеленых солдатиков, мисс Смит фыркнула и снова села рядом с сестрой.

В последние месяцы мисс Смит раз в две недели приезжала с Зоэ из Ричмонда в Лондон якобы за покупками и чтобы лучше познакомиться с родственниками Зоэ. Но, правду сказать, мисс Смит приезжала повидать свою сестру, миссис Оглторп, и обе отводили душу, понося своих работодателей и жалуясь на судьбу.

Когда Робин начал строить новый полк, перешептывания возобновились.

— По крайней мере он взял девчонку к себе. Надо отдать должное этому дьяволу.

— И все-таки... жена... Помяни мое слово, Джейн, — это ужасно!

И шокирующе! Да. Все изменится, и не к лучшему.

Почти против собственной воли Зоэ вскинула кулаки. Солдаты Двадцать восьмого глостерширского пехотного полка полетели в траву, один даже угодил в очки мисс Смит.

— Зоэ, довольно! Встаньте, мисс! — Гувернантка, подскочив, потащила девочку с одеяла. — Хватит с меня вашей дерзости.

— Ой! — вскрикнула Зоэ. — Мне больно!

— Зоэ? — Лорд Мерсер подошел к ним, почти угрожающе покачивая крокетным молотком.

Мисс Смит немедленно отпустила руку Зоэ.

— Лорд Роберт, — резко сказала она, бросив осторожный взгляд на Мерсера, — соберите свои игрушки. Мисс Армстронг идет домой, она должна научиться справляться со своим равноправным характером.

Мерсер спокойно поднял злополучного солдатика, потом подошел к Зоэ и опустил ее на колени.

— Ну, мисс Порох, — произнес он, легонько стукнув ее солдатиком по носу. — Леди не швыряются игрушками. Ты ведь это знаешь?

Опустив глаза, Зоэ пожала плечами и взяла солдатика, ее нижняя губа дрогнула.

Мерсер поднял пальцем ее подбородок и посмотрел на нее.

— Постарайся быть хорошей девочкой, — пробормотал он. — И я попрошу папу... кое о чем. — Он искоса взглянул на мисс Смит. — Ты можешь сделать это для меня? Не надолго?

Зоэ застенчиво кивнула. Она никогда не знала, что сказать брату Робина. Он казался гораздо старше и больше. Но когда Мерсер отошел, еще одна длинная тень упала на одеяло.

— Что тут происходит? — произнес мягкий глубокий голос.

Зоэ подняла глаза на красивого, широкоплечего джентльмена. На нем было черное облачение священника с жестким воротником, но его повадки безошибочно выдавали военного.

— Мистер Амхерст, — низко присела в реверансе мисс Смит. — Снова Зоэ. Она разбросала игрушки лорда Роберта.

— Он, вероятно, сам в этом виноват, — улыбнулся отчим Робина, его густые золотистые волосы шевелил ветерок. Наклонившись, он легко ущипнул Зоэ за подбородок. — Девочка моя, ты с каждым днем все хорошеешь. Пройдет несколько лет, и, держу пари, ты разобьешь не одно сердце. — Выпрямившись, он положил руку на голову Робина. — Собери игрушки, мой мальчик. Нас ждут дома к чаю, и у Зоэ долгая дорога.

Лорд Роберт неохотно сложил в сумку солдатиков и взял руку отчима. Попрощавшись, они направились к Мерсеру, который все еще пристально смотрел на Зоэ. Почти нехотя он вскинул на плечо крокетный молоток, поднял руку, приветствуя девочку, и присоединился к отчиму.

Зоэ с завистью смотрела им вслед. На Брук-стрит их ждет мать, наверное, с булочками, бисквитами и теплыми объятиями.

А она, если ей повезет, будет пить чай с Маклаудом, дворецким. Ее отца, маркиза Рэннока никогда не бывает дома. А теперь — если мисс Смит сказала правду — папа может жениться. И тогда в жизни Зоэ появится самое страшное существо — мачеха, которая, вероятно, будет даже хуже гувернантки мисс Смит. Выпятив губу, Зоэ обернулась. Мисс Смит с сестрой стряхивали с одеяла траву.

— Когда я вырасту, — объявила девочка, ни к кому не обращаясь, — я выйду замуж за Мерсера и буду жить на Брук-стрит.

— О, я в этом сомневаюсь, мисс Армстронг, — усмехнулась миссис Оглторп, расправляя последнюю морщинку на одеяле. — Хотя лорд Мерсер и лорд Роберт ваши дальние родственники, они... гм, занимают другое положение в обществе.

— Да, совсем другое, — холодно сказала мисс Смит. — Ваши кузены должны жениться на высокородных леди хорошего происхождения. Не смущайте себя предположениями, дитя, что родственники испытывают к вам что-нибудь, кроме христианского милосердия.

Зоэ смотрела на женщин, укладывающих одеяло в плетеную корзину, и в ней закипало давно знакомое негодование. Она ненавидела мисс Смит и миссис Оглторп. Ненавидела за то, что они напоминали ей о ее положении, за правду, которую они говорили.

Она знала, что женщины обсуждали то, что мисс Смит называла «неудачными обстоятельствами ее рождения». Зоэ не совсем понимала, что это значит, но сознавала, что обстоятельства скверные, что она нехорошая. И до нее медленно доходило, что если человек, как ни старается, не может стать хорошим... то, вероятно, можно упиваться тем, чтобы быть плохим?

Действительно ужасно и шокирующе!

Глава 1,

*в которой французская виконтесса переоценила
свои возможности*

Над карточным столом повисла тишина, лишь колесо рулетки поскрипывало в глубинах помещения, которое когда-то было элегантным бальным залом. Но торговец, построивший внушительный особняк два десятилетия назад, давно разорился, по иронии судьбы проигравшись в карты. И теперь в задымленном игорном зале над бывшим обеденным столом торговца раздался коллективный вздох.

Крупье игорного заведения Лафтона наклонилась над полированным столом красного дерева, пышная грудь цвета слоновой кости дрогнула над корсажем. Последняя карта скользнула из тонких пальцев миссис Уингейт подобно осеннему листку, которому суждены тлен и гниение.

Червовый туз.

Дружный вздох, потом неохотные аплодисменты.

— Отличная игра, милорд! — В пятый раз миссис Уингейт подвинула выигрыш к маркизу Мерсеру. — Вы снова попытаете удачу?

Холодно кивнув, маркиз откинулся в кресле и взял серебряный портсигар, блеснувший в свете ламп. Стоявшая за креслом любовница Мерсера с тревогой положила руку ему на плечо. Не обращая на это внимания, он зажег сигару и наблюдал за сидевшим напротив мужчиной. Атмосфера лихорадочного отчаяния сгушалась в воздухе.

Мерсер упорно добивал Тербурна последние три часа, и теперь, перед рассветом, признаки напряжения сказывались.

Миссис Уингейт закончила сдавать карты. Мерсеру карты достались посредственные. Решив, что от добра добра не ищут, он выпускал облачко дыма, пока другие три джентльмена снова брали из колоды карты. Бусинка пота, скользнув по лбу, задержалась в волосках красивой брови Тербурна. Миссис Уингейт открыла даму, и джентльмен со стоном осел в кресле.

— Я пропал.

— О, это удача пропала, старина! — усмехнулся стоявший рядом с Тербурном полковник Эндрюс. — Она вернется и покончит с провалом.

Остальные игроки вытащили карты не лучше, чем Мерсер. Миссис Уингейт улынулась почти блаженно. Пара девяток и двойка — заведение в выигрыше. Мерсер склонил голову.

— Мадам, мы вас поздравляем.

Внезапно напряжение нарушилось. Допив отличный коньяк, подававшийся у Лафтона, Тербурн оттолкнулся от стола.

— Уже поздно, — пробормотал он. Лишь едва заметное дрожание рук выдавало его. — Господа, желаю вам доброй ночи.

Поздний час, конечно, не имел к этому никакого отношения. Тербурн и его приятели — завсегдатаи у Лафтона, и только отчаяние оторвало их от игорных столов на рассвете. Тербурн был на грани банкротства, и это отлично подходило целям Мерсера.

Маркиз поднял палец. Возгласы и смешки смолкли, в глазах Тербурна вспыхнула надежда.

— Да?

— Как вижу, вы уходите, — невозмутимо сказал Мерсер. — Но интересно... не согласитесь ли вы заключить маленькое пари?

Подозрительно глядя на него, Тербурн заколебался.

— Что вы имеете в виду, Мерсер?

Маркиз изобразил чрезвычайную скуку, что хо-

10 рошо умел делать.

— Как я понимаю, вы владеете некой безделицей, которую вы выиграли у виконтессы де Шеро вечером?

Стоявшая сзади Клер легко сжала плечо Мерсера. Что-то похожее на страх промелькнуло в глазах Тербурна.

— Игра была честной, сэр.

— Безусловно, — холодно согласился маркиз.

Пристальный взгляд Тербурна метнулся к Клер, слабая улыбка скривила его рот.

— А, так она хочет это вернуть?

Мерсер, изогнув темную бровь, повернулся и глянул через плечо.

— Ваше желание, мадам?

— Это пустяк, — с галльским презрением пожала плечами Клер. — Но если вы хотите играть на него, почему нет?

Если он хочет играть?!

Мерсер сопротивлялся желанию стряхнуть ее руку со своего плеча. Отчаянное письмо Клер, присланное в его дом в Мейфэре, было закапано ее слезами и запечатано ее поцелуем. Все это снова напомнило ему о свойственной ей хитрости... и ее неизлечимой страсти к игре.

— Крайне неприятно видеть, что вы лишились безделушки, дорогая, — выдавил улыбку Мерсер. — Что скажете, Тербурн? Четверть моего сегодняшнего выигрыша против ожерелья? Конечно, если вы выиграете, ваши друзья, без сомнения, уговорят вас остаться за столом.

Тербурн жадно облизнул губы. Он был более спесивый, чем его приятели — Мерсер это знал, — и не спешил ставить на кон недавно выигранную добычу. Но Мерсер с помощью умелой миссис Уингейт систематически лишал его наличности и щедро потчевал бренди, к тому же Тербурн не слишком сознавал ценность ожерелья.

— Половина вашего выигрыша, милорд, — предложил Тербурн, со зловещим скрежетом подвигая свое кресло назад к столу. — Что скажете?

Мерсер с улыбкой похлопал Клер по руке.

— Скажу, что я глупец, поскольку в отличие от виконтессы питаю нежность к этому пустячку, — ответил он. — Я частенько говорю ей, что маленькая рубиновая капля в центре напоминает мне...

— Милорд! — Клер принялась энергично обмахиваться веером.

Мерсер повел плечом и подвинул вперед половину выигрыша. Тербурн, порывшись в кармане, извлек нить прекрасных подобранных рубинов и с легким стуком положил на стол.

Мерсер смотрел на миссис Уингейт.

— Мадам, вы нам поможете?

Кивнув, она достала новую колоду.

— Сдающий карты воздерживается, — сказала она.

Ее фраза была понятна. В заведении Лафтона не делали денег на частных пари. Хорошим клиентам нужно время от времени потакать, однако если они пожелают продолжить пари, то им придется поискать другое место. Но это несущественно, Мерсер хотел закончить дело сейчас.

Миссис Уингейт перетасовала карты. Тербурн вытянул двойку, Мерсер — тройку. Малообещающее начало. Мерсер приподнял уголок своей карты и почувствовал, как ногти Клер впились в его плечо.

Миссис Уингейт, подняв бровь, смотрела на Тербурна. Тот уверенно улыбнулся и коснулся рубашки своей карты. Выпали соответственно шестерка треф и четверка червей. Мерсер про себя выругался.

— Мелкая рыбешка, сэр, мелкая! — заметил сидевший поблизости полковник Эндрюс.

Снова сдали карты. Тербурн кивнул. Миссис Уингейт положила перед ним бубновую десятку. Публика застонала. Миссис Уингейт пристально взглянула на Мерсера, в ее глазах мелькнул намек на предупреждение. Он знал, что четвертая карта самая опасная. Но было кое-что... что-то в лице Тербурна. Да, слабый изгиб уголка рта. Это кое о чем говорит, поскольку Мерсер пристально наблюдал за ним всю ночь.

Он быстро просчитал возможности — признаться, скверные, — потом бросил последний взгляд на руку Тербурна. Солидные восемнадцать очков. И все-таки он не шелохнулся. Зная, что это явное безумие и все же его единственная альтернатива, Мерсер кивнул.

12 Выпала бубновая четверка.

Толпа вокруг стола с надеждой нагнулась ближе. С довольной улыбкой Тербурн бросил свою карту, другую двойку. Полковник Эндрюс положил тяжелую руку на плечо Мерсера.

— Неудача, а?

Мерсер тихо выдохнул, потом бросил свою.

Валет пик.

— Боже мой! — по-французски вскрикнула Клер.

Аплодисменты вспыхнули снова, глаза миссис Уингейт расширились.

— Вам феноменально везет, милорд, — пробормотала она.

Клер схватила его за руку и потянула от стола. Мерсер на ходу подхватил рубины.

Несколько минут спустя лорд Мерсер и его любовница стояли в одном из частных кабинетов Лафтона. Комнаты предназначались для игроков, которые были слишком пьяны, чтобы добраться домой, и для тех, кому понадобился прочный матрац. Игорный притон держал запряженные кареты и список лучших проституток Лондона, дабы не терять клиентов. Что угодно, лишь бы голубок не улетел из прекрасно устроенного гнездышка Лафтона.

Клер кружилась вокруг Мерсера.

— Месье, вы снова спасли попавшую в беду девицу, — пробормотала она. — Как мне продемонстрировать, что я это высоко ценю?

— Обещанием больше никогда не играть на фамильные драгоценности мужа! — отрезал он.

Но Клер была слишком опьянена игрой и шампанским, чтобы почувствовать кипящий в Мерсере гнев. Она провела кончиками пальцев по его широкой груди, потом повернулась, как балерина, рубины каменными каплями сочились из ее руки.

— Бог мой, милорд, вы говорите, как мой муж... и какое в этом удовольствие, я спрашиваю?

— Умоляю, перестаньте вертеться, Клер, и сядьте, — приказал он. — Я хочу поговорить с вами.

Клер надула губки и, взмахнув темными ресницами, потупилась.

— Нет, вы хотите упрекнуть меня, — поправила она. — Тогда я сделаю вот это! — Ее синие глаза блеснули озорством, ловкие пальчики потянулись к застёжке его брюк.

— Клер, — предостерегающе сказал Мерсер.

Но она уже опустилась на колени, бледно-розовый шелк ее платья лужицей лег у его ботинок.

— Да, я вознагражу вас этим... моим особенным умением, которое вам очень нравится, не так ли? — пересыпала она речь французскими словечками.

Мерсер схватил локоны Клер, намереваясь поднять ее на ноги. Но в конце концов, будучи мужчиной с хорошим аппетитом, маркиз принял ее жест в том же духе, в котором он был предложен — из жадности, и от отчаяния. Их отношения давно были взаимовыгодными.

Когда спазмы перестали сотрясать его тело и уступили место мягкой, лишенной чувств расслабленности — Мерсер совсем не мог назвать это удовлетворением, — он мягко поднял Клер на ноги и начал приводить в порядок свою одежду.

— Вы помните, Клер, ночь, когда мы встретились? — спросил он, заправляя полы рубашки.

Клер извлекла из сумочки зеркальце и, наклонившись к прикроватной лампе, рассматривала свои губы, словно в поисках повреждений.

— На зимнем маскараде у леди Блектон. — Она сделала паузу, намазывая мизинцем что-то красное на губы. — Как привлекательны вы были, милорд, в вашем широком черном плаще, и это все, что я помню.

— В самом деле? Той ночью ваш муж оставил вас.

Клер залилась смехом.

— Да, но кто от этого выиграл? Он имеет свой продуваемый всеми ветрами старый замок, а я — его драгоценности и вас, друг мой, вас. — Когда Мерсер повернулся к ней, Клер захлопнула зеркальце и легкой походкой пересекла комнату, на ее лице появилась хитрая соблазнительная улыбка, которая больше не имела власти заставить его пах напрячься.

— Вы пользуетесь его драгоценностями, моя дорогая, — напомнил он. — Но они не ваши, чтобы их проигрывать.

Положив маленькие белые руки ему на грудь, Клер наклонилась ближе, обдав его знакомым до отвращения ароматом лилий и аниса.

— Это лишь формальность, милорд, — пробормотала она. — Разве вы не признаете, что моя потеря обернулась для вас выгодой?

Рот Мерсера скривился в слабой улыбке.

— Я никогда ни в чем не признаюсь, Клер. Вы это знаете.

Недовольная гримаса вернулась на ее лицо. Но на сей раз Мерсер смотрел на ее губы, которые несколько минут назад, жадные и влажные, ласкали его разгоряченное тело. Он смотрел на нее словно с большого расстояния, будто сквозь мутное стекло, искажавшее ее красоту, и трудно было вспомнить, почему он когда-то надумал связаться с ней.

Холодная решимость заливала его, принося с собой что-то более мрачное, более сильное. Это стыд, думал он. Стыд и желание бежать от этого фарса, им самим созданного. Как он раньше этого не видел? Даже его собственная мать, которая никогда не вмешивалась в чужие дела, предупреждала, что он к этому придет.

О, он и прежде содержал женщин умелых и опытных, когда это было взаимовыгодно для обеих сторон. Но Клер соблазняла его холодной неземной красотой и вечной необходимостью ее спасать: от грозного мужа, от сломанного ногтя, от долгов. Каждое бедствие, большое или маленькое, порождало слезы, от которых у любой другой женщины краснел бы нос и опухали глаза, но у Клер слезинки просто цеплялись за невероятно длинные ресницы, делая ее еще более хрупкой.

Мерсер отступил и закончил застегивать брюки. Клер бросила на него подозрительный, оценивающий взгляд, прикусив пухлую нижнюю губу. Он почти слышал, как крутятся винтики и колесики в ее голове, пока она вычисляет. Внезапно она повернулась, решительно двинулась к кровати, стащила покрывала и длинными приглашающими движениями принялась разглаживать морщинки на простынях, зная, что он наблюдает за ней.